

Цикл
Ивана Оченкова

СТРЕЛОК

Стрелок. Путь на Балканы

Стрелок. Путь в террор

Иван Оченков

СТРЕЛОК ПУТЬ В ТЕРРОР

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-95

Серия «Военная фантастика»
Выпуск 181

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Оченков, Иван Валерьевич

О-95 Стрелок: Стрелок. Путь в террор: роман / Иван Оченков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 384 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-122498-1

Отгремели и сражения русско-турецкой войны. Дмитрий Будищев демобилизовался из армии и мечтает о мирной жизни. Но вокруг него каждодневные реалии девятнадцатого века, когда одним можно всё, а другим ничего. Когда представители «высшего света» любого человека из простонародья могут унижить, обернуть, даже покалечить просто так, ради забавы. И что делать в этой ситуации человеку, привыкшему смотреть на проблемы сквозь прорезь прицела? Идти к народникам или заниматься своими делами?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-122498-1

© Иван Оченков, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Худая лошаденка с трудом тащила пролетку по булыжной мостовой, отчаянно цокая подковами. Возница — такой же худой и неказистый, как запряженный в его экипаж одр, постоянно понукал ее, но, видимо, больше по привычке, чем всерьез надеясь разогнать несчастное животное. Впрочем, его нынешние клиенты были людьми непритязательными, и слишком уж стараться не стоило. Добравшись до места, извозчик натянул вожжи и сиплым голосом крикнул:

— Тпру, проклятая!

При этом он искоса поглядывал через плечо, следя за седоками, чтобы те не улизнули, не расплатившись, как иной раз случалось. Однако на этот раз все обошлось.

— Прими, любезный, — протянул ему гривенник самый представительный из клиентов — по виду студент.

— Накинуть бы, барин, — по привычке заканючил возница, сняв одновременно с головы мятый цилиндр.

Но седоки, не обращая на него внимания, покинули видавший виды экипаж и дружно двинулись в ближайший двор. В воротах на них подозрительно посмотрел дворник, но тут, как на грех, лошадь, с таким трудом довезшая экипаж до места, навалила на мостовую целую кучу пахучих конских яблок. И местному привратнику пришлось, оставив метлу, браться за лопату.

Пока служитель был занят уборкой, молодые люди прошли двор насквозь и, зайдя в ближайший подъезд, поднялись на второй этаж. Студент с важным видом постучал в обитую зеленым коленкором дверь с надписью на табличке «Госпожа Бергъ, модистка», выбив при этом замысловатую дробь. За дверью немедля раздались шаги, щелкнул засов, и на пороге появилась милостивая барышня.

— Здравствуйте, Григорий, — с улыбкой поприветствовала она студента. — Вы нынче с друзьями?

— Добрый день, Гедвига Генриховна, — изобразил легкий поклон тот. — Как и уговаривались.

— Ну, что же мы стоим, проходите, пожалуйста.

Молодые люди вошли и проследовали за радушной хозяйкой в гостиную, обставленную просто, но не без изящества.

— Позвольте представить вам моих спутников, — начал Григорий. — Это Максим.

Рослый детина, одетый как мастеровой, стащил с головы картуз и неуклюже поклонился.

— А это — наш Аркаша, — продолжил студент и подтолкнул вперед совсем уж молодого человека, скорее даже мальчика, в гимназическом мундире. — Я вам о нем рассказывал.

— Рада вас видеть, господа, — просто ответила девушка и протянула новым знакомым руку.

Те по очереди пожали ее, причем гимназист при этом ужасно покраснел. Видимо, ему не часто удавалось коснуться особы противоположного пола. Закончив с процедурой знакомства, молодые люди стали рассаживаться за столом, но не успели они расположиться, как дверь распахнулась, и в комнату вошли еще два человека. Первым был довольно представительный господин, которого можно было принять за преуспевающего адвоката или врача, а второй была молодая женщина с решительным выражением на лице.

Все встали, приветствуя их, причем студент поздоровался с ними как старый знакомый, а остальным они представились:

— Меня зовут Ипполит Сергеевич, а это Искра! — сказал адвокат, пожимая новым товарищам руки.

— Как вы сказали? — конфузливо переспросил Аркаша. — Искра?

— Не всем нужно знать наши настоящие имена, — спокойно ответила ему женщина, вперив в молодого человека испытующий взгляд.

— Конечно... я понимаю... извините, — пробормотал еще больше смутившийся гимназист.

— Какие новости? — спросил Григорий.

— Увы, ничего сколько-нибудь обнадеживающего я вам не скажу, — пожал плечами Ипполит. — Тирания торжествует, и борца за народное счастье ожидает виселица!¹

— Сволочи! — глухо пробормотал Максим и сжал пудовые кулаки.

— Хуже другое, — нервно заявила Искра. — Жертва эта будет напрасна! Все зря!

— Почему вы так говорите? — возмутился студент. — Пусть покушение не удалось, но наш товарищ показал пример бесстрашия и...

— И промахнулся!

— Попасть с двадцати шагов — не такое простое дело!

— А что мешало ему подойти ближе и выстрелить в упор? Я же говорила, что дело надо поручить мне!

— Не горячитесь, товарищи, — остановил перепалку адвокат. — Криком мы ничего не добьемся. Хотя Искра права. Если бы нашелся решительный и хладнокровный человек, сумевший подойти достаточно близко...

— Нужно еще, чтобы он умел стрелять! — негромко заметила Гедвига.

— Что вы имеете в виду?

¹ Речь идет о покушении А. К. Соловьева, совершенном 2 (14) апреля 1879 года. Народолец воспользовался беспечностью охраны императора и, подобравшись к тому на близкое расстояние, сделал в общей сложности пять выстрелов, но промахнулся.

— Ничего, — пожала плечами барышня. — Просто для всякого дела нужен навык, и стрельба в этом смысле ничем не отличается от адвокатуры или любого другого занятия. Вам нужно просто найти такого человека, который не испугается и не промахнется.

— И где же вы видели таких людей? — удивленно воскликнул гимназист.

— На войне, — просто ответила хозяйка квартиры. — Правда, это был один человек, но он действительно никогда не промахивался.

— Вы были на войне?!

— Вот уж не думала, что среди ваших знакомых был бретер! — хрустнула пальцами Искра.

Присутствующие дружно уставились глазами в женщин, невольно сравнивая их между собой. Обе они были молоды, стройны и красивы, но каждая по-своему. Гедвига была брюнеткой, тщательно и со вкусом одетой, как и полагается модистке. Искра была ее полной противоположностью. Светло-русые волосы были гладко зачесаны назад, строгое темно-серое платье лишено каких-либо украшений, подчеркивая, что ее владелица — натура целеустремленная и не собирающаяся тратить время на всякие глупости.

— Нет, это был простой солдат, — ответила ей хозяйка квартиры, и в ее голосе прозвучала легкая горечь.

— И где же он теперь?

— Не знаю. Кажется, где-то в Рыбинске, а может, еще где.

— Н-да, мудрено будет сыскать человека, да и надо ли?

— Вам виднее, Ипполит Сергеевич... Кстати, господа, не угодно ли чаю?

— Было бы недурно! — оживился студент. — А то мы с товарищами голодны как волки.

— Тогда вы должны помочь мне с самоваром. Обычно я его не ставлю, поскольку греть ведро воды, когда нужна одна чашка, право же — расточительство. Но нынче у меня столько гостей, что ведро будет в самый раз.

— Барышня, а давайте я, — выступил вперед Максим. — Оглянуться не успеете, как самоварчик поспевет. Я в этом деле мастак!

— Сделайте одолжение, — улыбнулась Гедвига. — Пойдемте, я покажу вам кухню.

— Что ты обо всем этом думаешь? — тихонько спросила Искра Ипполита, когда хозяйка с помощником вышли.

— Не знаю, прежде она не говорила мне о подобных знакомствах.

— Ты ей доверяешь?

— А почему нет?

— Не знаю, какая-то она...

— Уж не ревнуешь ли ты?

— Что за глупости!

— Прости, но это ты говоришь глупости. Гедвига — хороший и надежный товарищ. А если не хочет выглядеть синим чулком, так это потому, что профессия у нее такая! Кстати, она очень недурная модистка и пользуется популярностью. Это может помочь в нашем деле.

— Ты поэтому дал ей денег на открытие мастерской?

— И поэтому тоже. Довольно. Мы привлекаем ненужное внимание. Ступай к молодым людям и рассказывай им о страданиях народа. Лучше всего гимназисту, мастеровой и так все про это знает. Нам нужны исполнители!

Молодая женщина кивнула в ответ и подошла к Аркаше. Тот внутренне поежился, но постарался приосаниться, пытаясь представить себя более взрослым.

— Вы курите? — томно спросила она, доставая папиросницу.

— Нет. То есть — да, — совсем смешался тот.

— Берите, — улыбнулась Искра.

— Благодарю, — покраснев, ответил тот и протянул руку.

— Как вы думаете, — внезапно спросила женщина, — такие стрелки действительно бывают?

- Не знаю. Наверное...
- А вы могли бы стать таким стрелком?

Длинный гудок в ключья разодрал ночную тишину, давая знать мастерам, что пора просыпаться и идти на работу. Всего гудков давалось три. Первый будил работников, второй указывал, что пора выходить из дому, а третий звучал перед тем, как заводские ворота запирались. Тут уж, как говорится, кто не успел — тот опоздал. А наказание за опоздание одно — увольнение. Вот и поторапливаются рабочие, прихлебывая пустой чай, а то и просто кипяток, заедая его коркой хлеба. Если она есть, конечно, эта корка.

Покончив со скудным завтраком, мастера покидают свои убогие жилища и нескончаемым потоком идут на свои фабрики и заводы. Хотя какие они свои? У них хозяева есть, а дело рабочих — с утра до вечера трудиться на них, чтобы заработать себе и своим детям на хлеб, делая при этом богатых еще богаче, а самим оставаясь в нищете.

Впрочем, далеко не все среди мастеровых нищие. Случается среди них и рабочая аристократия, вроде Акима Филиппова. Человек он звания хоть и самого простого — из крестьян, однако же цену себе знает! Шутка ли, машинист парового молота. Это вам не фунт изюму, или какой-нибудь там простой кузнец! Правда, к нынешнему своему положению шел Аким Степанович долго. Вон уж и волосы, бывшие некогда цвета воронова крыла, совсем поседели. А спина, бывшая с молодости прямой и крепкой, теперь постариковски сутулая. Кстати, Акимом Степановичем его сроду никто не называл. В молодости все больше Акимом, или даже Акишкой был, а к старости стал Степанычем. А вот так, чтобы вместе... рылом не вышел. Но в своем деле он — дока! Этого не отнять.

Владелец, а по совместительству директор и главный инженер, завода господин Барановский как-то, хвастаясь перед заказчиками, показал им фокус. Снял с живота золотые часы с цепочкой, раскрыл крышку,

да и положил на наковальню. А затем махнул Степанычу рукой, дескать, делай! А тому что, дернул за рычаг, и тысячепудовая баба парового молота полетела с верхотуры вниз... Казалось, что сейчас от барских часиков и мокрого места не останется, ан нет! Остановил старик свой мудреный механизм. Петр Викторович даже побледнел маленько, хоть старался виду не подавать. Затем Степаныч молот назад поднял, да и отпустил часы, или как их еще господа называют — брегет. Глядь, а крышка-то закрыта! Ну и хозяин, понятно, рад-радехонек, стал показывать собравшимся, что на них даже царапины нет. Вот так-то, знай наших!

Степанычу тогда восхищенные его умением заказчики даже аплодировали. Ну и господин Барановский не обидел, пожаловал от щедрот своих — красненькую¹. А чего? Десять рублей не всякий рабочий в месяц жалованья получает, а тут пожалуйста, можно сказать, задарма! Филиппов тогда на радостях... нет, не то, что вы подумали, водку он считай и не пьет, разве что на великий праздник, и то, если угостят. Нет, он тогда дочке своей — Стеше — платок купил красный, да не ситцевый, а чистого шелку! А еще бусы и отрез на платье. Не поскупился!

Две радости в жизни у Степаныча. Мастер он от бога, и дочь у него красавица! Жили они вдвоем. Мать Стешина померла, когда та еще совсем маленькой была, а вдругорядь жениться машинист не стал. Жили, кстати, неплохо. Можно даже сказать — зажиточно! Домик у них был свой и даже с маленьким садом. Зарабатывал старик хорошо — без куска хлеба не сидели, как иные. А хозяйством Стеша занималась, даром что ей от роду всего шестнадцатый год пошел.

Мысли о дочери всегда радовали старика, и в фабричные ворота он, в отличие от прочих мастеровых, вошел с улыбкой. У остальных рабочих лица были

¹ *Красненькая* — жаргонное название ассигнации достоинством в десять рублей.

хмурыми, а иной раз даже угрюмыми. Ну а чего им радоваться-то? Работать надо!

С началом рабочего дня заводские стены заполнил гул. Громко бухал молот, гудели станки, да пыхтела паровая машина, приводившая их в действие. Заказов у предприятия Барановского хватало. Военному и морскому ведомствам нужны были зарядные трубки, станки для артиллерийских орудий, снаряды и многое другое. Война хоть и недавно кончилась, но за ее время запасы у российских военных изрядно сократились, и теперь требовалось их срочно восполнить.

Впрочем, было на заводе место, куда шум практически не доставал. Это был кабинет Петра Викторовича, служивший ему заодно и чертежной мастерской, и аудиенц-залом, и всем, что бы ни понадобилось хозяину. Сейчас он принимал в нем своего двоюродного брата и по совместительству совладельца, только что вернувшегося в Петербург из очередной поездки. Владимир Степанович был на восемь лет младше своего родственника, но уже успел стать довольно знаменитым изобретателем в области военной техники.

— Наконец-то ты вернулся, — озабоченно сказал Барановский-старший, нервно потирая руки. — О тебе не раз уже спрашивали из министерства.

— Что у них там еще стряслось?

— Точно не знаю. Кажется, возникли проблемы со снарядами к пушке твоего изобретения. Гильзы у них помялись, или что-то вроде этого.

— Это все из-за небрежного хранения.

— Может, и так, но ретроградов из ведомства генерал-фельдцейхмейстера убедить в этом будет весьма непросто!

— Конечно! С картузами такого не случается, — не без сарказма в голосе воскликнул Владимир, как будто кого-то передразнивал.

— А я тебе говорю, что для твоих, как ты их называешь... унитарных патронов? Так вот — их время еще не пришло! Теперь эти кувшинные рыла тебя с патронами съедят!

— Ну, полноте, кузен. Все не так плохо. Моряки нашу пушку на вооружение приняли, военные от горных орудий тоже вряд ли откажутся, так что без заказов мы не останемся.

— Но все же тебе лучше утрясти все спорные вопросы с министерством, и не откладывая!

— Разумеется. Завтра же займусь этим.

— Ну, вот и славно! Кстати, ты так и не рассказал, куда и зачем ездил?

— О, кузен. Я все-таки привез его!

— Его — это кого? — вопросительно изогнул бровь Петр Викторович.

— Весьма необыкновенного человека!

— Право, ты меня интригуешь!

— Нисколько. Помнишь, я тебе рассказывал о солдате-изобретателе?

— Того, что предложил новую конструкцию митральезы? Как же, как же, помню.

— Так вот, я его привез!

— Ты говоришь так, будто речь идет по меньшей мере о заморском королевиче.

— Ну, королевич — вряд ли, но человек он явно не простой. Во всяком случае, слухи о его родстве с одной аристократической фамилией ходили.

— И где же ты нашел этого... аристократа?

— Не поверишь, в Рыбинском околотке!

— Э...

— Да-да, в полиции. И вытащить его было не самым простым делом, уж ты мне поверь.

— Что же он натворил? Хотя нет, мне это совсем не интересно, скажи лучше, зачем он тебе нужен?

— Ах, кузен, сейчас ты сам все поймешь, — загадочно улыбнулся Владимир и, выглянув на секунду из кабинета, пригласил войти внутрь престранного субъекта.

Вошедший был довольно молодым человеком, худощавого телосложения, однако при более пристальном взгляде можно было предположить, что он обладает недюжинной физической силой. Темные волосы

его были коротко острижены, а на верхней губе росли щегольские усики. Одет он был скромно, чтобы не сказать бедно. Из-под кургузого пиджачка мышинного цвета выглядывала косоворотка, а темно-зеленые, почти черные шаровары были заправлены в добротные сапоги. На голове его был почти щегольской картуз, впечатление о котором портил сломанный лаковый козырек. А довершал образ фиолетовый синяк под глазом. При всем при этом незнакомец вел себя совершенно невозмутимо, как будто с равными.

— Здравствуйте, — вежливо, но вместе с тем без тени подобострастия в голосе поприветствовал он фабриканта и протянул ему руку. — Меня Дмитрием зовут.

Петр Викторович общался с людьми самых разных кругов, от аристократов до мастеровых, поэтому его было трудно чем-либо удивить. Пожав протянутую ему ладонь, он сухо кивнул новому знакомому на стул и сел сам. Тот воспринял приглашение как само собой разумеющееся и удобно устроился на предложенном ему месте. При этом он не вальяжно развалился, как Владимир, и не присел на краешек, как это сделал бы любой приглашенный к хозяину мастер или рабочий, а именно что удобно устроился.

— Как добрались? — нейтрально поинтересовался фабрикант.

— Нормально, — пожал плечами Дмитрий.

— Первым классом, — улыбнулся уголками губ Владимир.

— Где остановились?

— Да пока нигде.

— Ах да, вы же с дороги прямо сюда. Ну и как вам столица?

— Так я ее и не видел. Вокзал только да спину извозчика.

Младший Барановский с удовольствием рассмеялся от подобной непосредственности. Затем посерьезнел и, стараясь быть убедительным, начал говорить:

— Дорогой кузен. Дмитрий Николаевич, несмотря на свой не слишком презентабельный вид, человек

в некотором роде замечательный и даже талантливый. Именно ему принадлежит идея митральезы, в которой перезарядка осуществлялась бы от работы выстрела.

— Понятно. Ты все же не оставил этой затее. Нет, в теории она, разумеется, остроумна, но...

— А на практике, значит, нет? — резанув фабриканта острым взглядом, спросил новый знакомый.

— Видите ли, молодой человек, я не первый год занимаюсь своим делом, и у меня большой инженерный опыт. В настоящее время подобный механизм я полагаю совершенно невозможным.

— У вас найдется винтовка Спенсера или винчестер? — прервал его Дмитрий.

— Что, простите?

— Я спрашиваю, нет ли у вас магазинной винтовки с рычажным затвором?

— Э... Есть.

— Дайте мне ее, и я до завтра сделаю вам действующий образец, перезаряжающийся энергией выстрела.

— Однако! Что, прямо вот так и сделаете?

— Ну, мне понадобятся некоторые материалы и помощь ваших слесарей, но много времени переделка не займет. Не бойтесь, ни одна винтовка в процессе модернизации не пострадает.

— Забавно. Хотя почему бы и нет. — Барановский-старший решительно встал и, открыв стоящий в углу шкаф, извлек на свет божий карабин системы Винчестера 1873 года. — Подойдет?

— Вполне, — встал вслед за ним Дмитрий и, взяв в руки оружие, стал внимательно рассматривать его.

— Встречали такой?

— Такой — нет. У турок все больше 1866 года встречались под патрон кольцевого воспламенения.

— Это в какой-то мере более совершенный образец. Усовершенствованный механизм, стальная коробка...

— Хорошая вещь! — одобрительно заявил молодой человек. — Можно приступить?

— Извольте, — согласился Петр Викторович и пригласил гостя следовать за ним в цех.